

ИСТОРИЯ знает не так уж много примеров, когда одна личность осыпала собой с момента появления на каком-либо поприще целый период протяженностью почти в столетия. Такая личность навсегда записывается в историю, становится гордостью своего народа. Именно таким был Александр Николаевич Островский, по определению Алексея Максимовича Горького — «основоположник русской драматургии».

Вот и хочется продолжить наш рассказ словами А. М. Горького, ибо в них дается непосредственная оценка личности А. Н. Островского на фоне других гигантов, его роли в истории русского литературного языка: «Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюллов, беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой и болевшая совесть наша — Достоевский; Крамской, Репин, неподражаемый Мусоргский, Лесков, все силы, всю жизнь потративший на то, чтобы создать «положительный тип» русского человека, и, наконец, великий лирик Чайковский и чародей языка Островский так же похожи друг на друга, как это может быть только у нас на Руси, где в одном и том же поколении встречаются

люди как бы разных веков, до того они психологически различны, неслиянны».

Чародей языка! Но, может быть, А. М. Горький с высоты XX века, что, конечно, легче, судил о достоинствах каждого из могучих своих предшественников. А что говорили современники? Говорили разное, многие поносили. Но это были служители самодержавия, апостолы рутини и старых догм. Свиристельствовала цензура. А все передовое, прогрессивно настроенное, умное приветствовало, как появление новой звезды. Вот несколько примеров:

Н. А. Некрасов: «Не говорим уже о верности языка. Русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более чем кому-либо из современных писателей: он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом» (1856 г., «Заметка о журналах»).

Н. А. Добролюбов: «Всеми отмечена... меткость и верность народного языка в комедиях Островского... удачные, меткие выражения давно уже подхвачены публикой и употребляются в разговорной речи, вроде поговорки»

(1859 г., ст. «Темное царство»).

И. А. Гончаров: «Язык... Островского давно всеми оценен по достоинству, как язык художественно верный, взятый из действительности, как и сами лица им говорящие» (1860 г., «О драме «Гроза»).

И. С. Тургенев: «Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! Какая местами пахучая, как наша русская родча летом, поэзия! Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и карты в руки!» (Письмо И. Борису, 1865 г.).

А вот высказывание главы русских революционеров-демократов Н. Г. Чернышевского: «Из всех писавших прозой по-русски после Лермонтова и Гоголя я вижу очень сильный талант только у одного драматурга — Островского» (Письмо Лаврову, 1888 г.).

Заслужить такую похвалу, притом из уст деятелей иного идейно-политического направления, мог только человек, сам осознающий причастность к великому народ-

ному делу, беззаветно преданный ему.

«Я по опыту знаю, — писал А. Н. Островскому в 1886 г. Л. Н. Толстой, — как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и поэтому мне бы хотелось содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее тем, что ты есть, несомненно общепризнанным в самом широком смысле писателем».

В драмах Островского бьет живой пламенем боль о трудовом народе, доказывает его право на протест, на светлое будущее. Национальные свойства русского народа Островский видел не в покорности и смиренности, а в воле к преодолению препятствий, в стремлении к свободе, в ненависти ко всему, что принижает и коверкает человека.

Всем своим творчеством Островский стоял на страже человека-труженика, противопоставляя его миру Диких, Тит Титычей, миру «темного царства».

Александру Николаевичу Островскому, как в свое время А. С. Пушкину, повезло на учителей русского языка.

В детстве у него была своя Арина Родионовна, в гимназии — замечательный педагог-словесник, в университете — образованные профессора, ученые Погодин, Грановский и др., на службе в Московском коммерческом суде ему дали должность канцеляриста за «словесным столом», где он выслушивал устные просьбы, жалобы. Впоследствии он много ездил по служебным делам по Волге, России, посетил Харьков, Одессу, Крым, Кавказ. В Москве близко сошелся с редакцией «Москвитянина», члены которой увлекались народной поэзией, стариной. Крепко дружил с коллективом Московского Малого театра. В родном Щелково близко сошелся с крестьянами. И везде подслушивал, записывал все меткое, образное, все, что составляло, по его определению, «образ выражения».

А. Н. Островскому повезло и на друзей, которые ему во многом помогали. Он держал тесную связь с Отделением русского языка и словесности при Академии наук, руководителем которого был видный языковед академик Я. К. Грот.

А. Н. Островский всю жизнь, начиная с 1856 г., собирал

слова, оставив нам, правда, неоконченный, «Опыт волжского словаря», куда вошло более 1300 слов, обычно не встречающихся у В. Даля.

Интересно воспоминание С. В. Максимова, составителя сборника «Крылатые слова», друга Островского: «Родную речь он любил до обожания, и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или неслыханного выражения».

Любовь к живому слову, устной поэзии, фольклору сказалась даже в том, что добрая половина его произведений носит фольклорные титулы: «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочешь», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «На всякого мудреца довольно простоты» и т. п.

Но одно дело — любить язык, увлекаться его красотами, другое — чувствовать и находить в нем типичное, выражающее социально-психологическое, классовое, настоящее, профессионально-обусловленное, чувствовать и понимать язык как творение, его самобытность и склад, его движение, своеобразие и наличие в нем социально-речевых стилей, которые непрестанно взаимодействуют и изменяются.

Создавая бытовую реалистическую драму, Островский открывает для русской литературы неизведанные доселе области из жизни русского ку-

печества и мещанства («темного царства»), а для литературного языка — новые пласты лексики, новые выразительные средства.

Необозримо много привлек Островский в литературный оборот: здесь сочное просторечие с богатой идиоматикой, городская мещанская речь и купеческое арго, искореняемые «модные» заимствованные словечки и смесь церковно-житийной стилистики, народная устная поэзия и торговый-финансовый жаргон, емкие древнерусские слова и приказничье красноречие, язык образованной среды и язык самодуров, эмоционально-поэтическая речь и речь купеческой молодежи, стремящейся к внешнему лоску и подражанию аристократам.

«Отчего легко учить мои роли?» — спрашивал Островский и отвечал: «Когда пишу, сам произношу вслух». Поэтому речь его героев развивается всеми переливами и оттенками русского живого, разговорного языка, наряду с «переливами» социально-психологическими. Многочисленному из того, что привлекалось в литературный оборот, А. И. Островский дает литературные права, делает его более емким, национально-обобщенным. Но это стоило огромной кропотливой работы над каждым словом, тщательного их отбора. И так, начиная от Пушкина, великие мастера слова создавали наш современный язык.

А. Н. Островский оставил

нам не только изумительные сценические типы-индивидуумы, прекрасные образцы языка в его многочисленных стилях и жанрах, но и дал этот язык в движении в период (40—80 годы XIX ст.), когда в русском обществе происходили значительные, коренные изменения, перегруппировка общественных, экономических сил: бывший помещик становится фабрикантом, дворовый мужик — ремесленником, оброчный крестьянин — купцом, бывший крепостной — пролетарием, семинарист — чиновником, попович — революционером, ученым. И в этом главная заслуга Островского в истории русского литературного языка.

Огромное литературное наследие, изумительно живые сценические типы, превосходное знание и владение русским языком в его безбрежном разнообразии, умение языковой типизации — вот то главное, что оставил нам в наследство великий сын и патриот земли русской А. Н. Островский. И это наследие нетленно, наша национальная гордость и слава. И не случайно В. И. Ленин неоднократно обращался к сценическим типам, к живым, метким, ставшим крылатыми, выражениям А. Н. Островского.

П. МАРКОВСКИЙ,
доцент кафедры русского языка НГПИ имени В. Г. Белинского.